

Елена Арсеньева

Химера светского видения (Мата Хари, Голландия)

Часть сборника
*Преступления страсти.
Коварство (сборник)*

Елена Арсеньева
Химера светского видения
(Мата Хари, Голландия)
Серия «Преступления
страсти. Коварство»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161427

Коварство: Эксмо; Москва; 2007

ISBN 978-5-699-24596-3

Аннотация

«– Я так и не знаю толком, кто был мой отец. Думаю, что он был европеец. Голландский офицер. Не знаю, какова была его судьба, что стало с ним после того, как он увидел священные танцы в храме, и мало того, что увидел, – провел ночь с одной из танцовщиц.

– Как же ему это удалось?..»

Елена Арсеньева

Химера светского видения (Мата Хари, Голландия)

– Я так и не знаю толком, кто был мой отец. Думаю, что он был европеец. Голландский офицер. Не знаю, какова была его судьба, что стало с ним после того, как он увидел священные танцы в храме, и мало того, что увидел, – провел ночь с одной из танцовщиц.

– Как же ему это удалось?

– Ходили слухи, будто он охотился в джунглях, но отстал от своих, заблудился и случайно вышел к храму ровно в полночь, как раз когда юная девственница танцевала перед Шивой. Такой обряд – красавица танцует обнаженной, а потом выходит жрец, в которого вселяется Шива, и соединяется с девушкой. Родившееся у нее дитя живет под покровительством Шивы и принадлежит храму.

– То есть твой отец... вместо жреца...

– Ну да! Девушка была одурманена курениями, она увидела нежданно возникшего в храме мужчину и отдалась ему, как предписывал обряд. И когда появился жрец, он застал их вдвоем.

– А потом?

– Неизвестно. Думаю, что офицера убили. А может быть,

он успел убежать. Но девушку не тронули. Сочли, что так было угодно Шиве, что он не пожелал совокупиться с этой девушкой и послал вместо жреца другого мужчину... Через девять месяцев танцовщица родила дочь. Это была я.

– И где сейчас твоя мать?

– Я ее никогда не видела – она умерла при родах. Ей было всего пятнадцать лет. Меня оставили в храме. Я знала, что меня никогда не отдадут богу, но все же ритуальным танцам обучили. Я приводила всех в восхищение своим искусством. Мне было всего тринадцать, когда я танцевала в храме среди других девственниц. Я слышала, будто верховный жрец выбрал бы меня за мое высокое искусство, если бы... если бы не мое происхождение...

(«Вроде бы в прошлый раз она рассказывала, что мать ее – голландка, а отец – индус, что ее родители скрывались от преследований религиозных фанатиков и прятали по монастырям в Азии дочь... Или я что-то путаю? Ох, она столько всего рассказывает о себе, что немудрено запутаться!»)

...Я была оскорблена, узнав об этом. И впервые ощутила в себе тягу к европейцам, на которых раньше смотрела, как на белых дьяволов. Я становилась старше, и кровь звала меня, звала все более властно. Тесный, пропитанный курениями мирок храмов стал мне душен и невыносим. Раньше, девочкой, я страдала оттого, что кожа моя не так смугла, как у других жриц, а теперь была счастлива от того, что становилась все больше похожей на европейскую женщину. И одна-

жды до меня дошел слух, будто меня намерены принести в жертву. Нет, не Шиве – Черной Кали, богине смерти, которой угодно убийство «белых дьяволов». А голландских офицеров становилось все больше в городке близ нашего храма. Они часто заглядывали к нам – полюбоваться на хорошеньких танцовщиц. И среди них был Джон МакЛеод. Он влюбился в меня с первого взгляда, а потом предложил бежать с ним. Мне нечего было терять, и я, боясь смерти, согласилась.

– Но ты любила его? Скажи, любила?!

– Я никогда в жизни не любила никого, кроме тебя...

(«Я снова что-то путаю, или она рассказывала, что ее еще маленькой девочкой отправили в монастырь, но там случился у нее роман со священником, после чего родители отказались от легкомысленной дочери, и она отправилась в индусский храм учиться ритуальным танцам?»)

...Да, меня домогались многие мужчины, и, случалось, я им отвечала, но любовь... Поверь, я поняла значение этого слова лишь в тот день, когда увидела тебя, мой милый мальчик.

– Маргарет, я тоже не знал любви до той минуты, как встретил тебя. Даже не понимал, что она такое, слушал рассказы приятелей с усмешкой. Но теперь... Как бы я был счастлив жениться на тебе! Если бы не моя семья, если б не предрассудки моих родителей! Ты принадлежишь к другой религии...

– Я изменю ей. На самом деле мне безразлично и католи-

чество, и протестантство. Ради тебя я готова сделаться ортодоксальной христианкой.

– Наша церковь называется православной.

– Я стану православной, если ты хочешь.

– И еще не все. У нас косо смотрят на браки с иностранками, а ты не то англичанка, не то немка, не то француженка, не то голландка, не то индуска...

– Я выучу твой ужасный, варварский язык и стану русской.

– А главное... понимаешь... я-то не замечаю, не чувствую, но моя семья... ведь ты...

– Ну да, я знаю, что старше тебя. Но разве, глядя на нас рядом, это можно сказать?

– О да, ты выглядишь, как девушка, но моя семья...

– Я больше не могу слышать, как ты лепечешь – моя семья, моя семья... Что нужно твоей семье?!

– Ей нужны деньги. Если бы у тебя было приданое в миллион франков, тогда, конечно, моя семья согласилась бы.

– Миллион франков?! И ты станешь моим? Мы сможем обвенчаться?

– Да. Я говорил с родителями. Они уже дали свое согласие. Они не хотят стоять на пути к моему счастью, но все же против, чтобы я женился на бесприданнице, да еще...

– Да еще невесть какой национальности, невесть какого вероисповедания, к тому же вдвое старше тебя? Хорошо, ты не женишься на бесприданнице. Я достану деньги. Но то-

гда мне немедленно нужно уехать в Париж. Ты будешь меня ждать? Ты... не станешь засматриваться на сестер милосердия, на этих глупых девчонок, которые так и вертятся вокруг тебя?

– Ох, у меня теперь, после ранения, остался всего один глаз, да и тот устремлен лишь на тебя, Око дня, моя Мата Хари!

Ее имя и впрямь означало «Око дня», то есть «Солнце». Звучало не слишком-то скромно, конечно, но она давно усвоила, что скромность только вредит женщине, если она одинока и может рассчитывать лишь на себя... ну и, конечно, на всех тех многочисленных мужчин, которые снуют вокруг нее, словно шмели возле пышной розы.

Они сновали, да. Они восхищались ею, они собирали мед ее красоты, таланта, ее легкомыслия и любвеобилия. Но вот настал день, когда тот, кого она любила больше всех на свете, отрекся от нее, предал. Настал день, когда именно мужчины ополчились против женщины. Мужчины выступили против нее, одинокой и всеми покинутой, сомкнутыми рядами – и обрекли ее на смерть.

* * *

Она всегда знала, что красавица. Зеркало говорило это ей напрямую. Отец ее, нидерландский негоциант Адам Зелле,

только и делал, что хмурился, когда смотрел на дочь, что значило: он не одобряет расцветающей прелести Маргрит – так произносилось ее имя по-голландски. Но обычно ее называли Маргарет. Она была высокая, как многие девушки Нидерландов. Но в отличие от них не белокожая, не светловолосая и светлоглазая. Пышные темно-каштановые кудри, темные глаза, румяно-смуглое лицо – диковинная красота, неожиданная, яркая и, как бы поделикатней выразиться, слишком уж чувственная. Скромный протестант Зелле стыдился даже мысленно произносить это последнее слово, но про себя думал, что красота не доведет его дочь до добра. Красота и нелепые фантазии, которыми была просто-таки набита ее головка.

Однажды Маргарет заявила, что ее мать – баронесса. Ну а отец, понятное дело, барон. И вообще, она родилась в замке. В Камингхастате, старом фризском поместье. На самом же деле ее отец торговал шляпами, а Камингхастат – всего лишь красивое здание в центре Леувардена, города, где жила Маргарет Зелле. Но все же выдумка была очень хороша! Жаль только, что из школы ей приходилось возвращаться все же не в замок, а в довольно-таки унылый и чопорный родительский дом. Ах, она ничего так не желала, как поскорей выбраться оттуда!

Но вот умерла мать, и отец, вновь женившись, отослал семнадцатилетнюю Маргарет в Гаагу, к дядюшке – продолжать учебу (ей было предназначено стать воспитательницей

в детском саду) и искать работу. В то время, в конце XIX века, в Гааге проводили отпуска многие офицеры голландской колониальной армии, расположенной в Восточной Индии. Ведь неподалеку находился знаменитый голландский морской курорт Схевенинген, где уставшие от тропической жары и враждебных индусов (вернее, индонезийцев, ведь Восточной Индией в то время называлась теперешняя Индонезия) вояки поправляли свое здоровье. Мужчин в офицерской форме там было полным-полно, глаза разбегались. И разве удивительно, что Маргарет влюбилась в мундир на всю жизнь?

Притом влюбилась она не только в мундир, но в одного его конкретного носителя. Его звали Рудольф МакЛеод (иногда он писал свою фамилию как Мак-Леод, но разницы тут особой нет). Он был высок ростом (для Маргарет, барышни отнюдь не маленькой даже по современным меркам – выше ста семидесяти сантиметров! – это имело немалое значение), усат, лыс и жутко чувственен. Маргарет была сражена при первой встрече, которая произошла очень забавно.

Шутки ради приятель написал объявление в брачную газету от имени МакЛеода, но встречался с претендентками сам. Но однажды он оказался занят, и МакЛеод лично пришел на свидание, которое закончилось тем, что он с претенденткой тем же вечером оказался в постели. Ну, его можно было понять: семнадцатилетняя красавица экзотической внешности напомнила МакЛеоду столь любимых им малаек.

А вот что двигало Маргарет? Конечно, на нее произвела впечатление необоримая мужественность этого человека. Пусть он был старше на двадцать лет, лыс и несколько угрюм – ничего страшного! Брутальность, да еще облаченная в мундир, только и влекла ее, влекла неотвратимо. К тому же женщины всегда используют мужчин в своих целях, порою даже не отдавая себе в том отчета. Очень может быть, и Маргарет не сознавала, что Рудольф МакЛеод – на данном этапе ее жизни – единственное средство выбраться из рутины, из прозябания, из обыденности, уже до смерти наскучившей, единственная ступенька, поднявшись на которую можно было приблизиться к тому волшебному миру фантазий, который привлекал Маргарет с самого детства (и в котором она будет жить всегда, всю жизнь).

Она рассчитала верно. Однако за все всегда приходится платить – и, как правило, куда дороже, чем хотелось бы. МакЛеод увез Маргрит (он называл ее Грит) из благопристойной Голландии на экзотическую Яву, где жизнь ее чудесным образом преобразилась, однако страсть мужа к чрезмерно изысканному, скажем так, способам любви порою пугала ее. Ну что ж, обыкновенное влечение быстро теряет свою остроту, а климат на острове жаркий, распяляет страсти, порою не оставляя в мужчине ничего человеческого. Всю жизнь потом Маргарет придется скрывать свою грудь, на которой зубы мужа оставили ужасные отметины. Правда, среди ее будущих любовников найдутся такие, которые сочтут их пикант-

ными, но она от тех отметин удовольствия получила, мягко говоря, мало.

А ревность мужа порою превращала жизнь Маргарет в сущий ад.

«Мой муж не покупает мне платьев, потому что боится, что я в них буду слишком хорошо выглядеть. Он невыносим. Кроме того, за мной увиваются молодые лейтенанты и влюбляются в меня. Очень тяжело вести себя так, чтобы муж не начал ревновать», – писала вскоре после приезда в колонию Маргарет своей подруге юности в Голландию.

Идеальной для Рудольфа была беременная жена, занятая воспитанием детей. Маргарет родила двоих – сына и дочь, а затем принялась отговариваться от исполнения супружеских обязанностей, ссылаясь на женские недомогания. Она больше не хотела рожать. Не хотела быть привязанной к дому столь крепкими цепями, которые выковал для нее Рудольф! Смешнее всего, что сам-то он проходу не давал хорошеньким служанкам. Натурально, волочил за каждой юбкой... вернее, за каждым саронгом, что более соответствует местной этнографии. Отдаться белому господину – да они только об этом и мечтали!

Ну и до добра такая ситуация не довела. У одной из мимолетных любовниц Рудольфа оказался слишком пылкий поклонник. Ревнивец еще ревнивее МакЛеода! Узнав, что его невеста утратила невинность в объятиях «белого сагиба», он поклялся отомстить. И отомстил... Спустя несколько дней

занемог, а потом и внезапно умер сын Маргрит и Рудольфа – Норманн Джон. Только взгляду непосвященного европейца могла показаться неясной причина смерти мальчика. Местные жители сразу распознали: ребенок отравлен. А поскольку поклонник служаночки исчез, ясно было, кто виновник. Его так и не нашли. Ну а нашли бы, изменилось бы что? Сына было не вернуть. И не вернуть мира в семью.

Рудольф МакЛеод умудрился все поставить с ног на голову. Он написал родным, что месть настигла ребенка из-за... непотребного поведения его матери, которая кокетничала-де с малайцем, завлекала его, а потом предпочла ему другого малайца. Так что, уверял МакЛеод, в обществе ее называют не иначе, как шлюхой и туземной подстилкой. Это не лезло ни в какие ворота, а написано было, очень может быть, спьяну (Рудольф в самом деле много пил с горя, он куда тяжелее, чем Маргарет, перенес смерть сына, с горя же и оговаривал жену), однако голландские обыватели имели очень смутное представление о подлинной жизни в колониях. Они поверили! К тому же Рудольф адресовал свои инвективы сестре, которая невзлюбила Маргарет с первого взгляда и накануне свадьбы умоляла брата остановиться. Теперь она охотно упивалась всякой ложью, которую распространял МакЛеод, и столь же охотно выдумывала ее сама.

Маргарет, конечно, не была такой уж ангелицей, и ее одежды, белые ли, не белые, частенько бывали, так сказать, смяты мужской рукой. Однако, ища утешения в поклонении

и отчаянно флиртуя с пригожими офицерами, она не преступал границ супружеской верности. И оставалась в неведении относительно тех слухов, которые распускала о ней любящий супруг, – до тех пор, пока не получила обличительное письмо от отца. Как иронически ни относилась Маргрит к своему папаше-неудачнику (а тот был таковым), он оставался отцом, и прочесть в его письме обвинения в распутстве и беспутстве было невыносимо. Да еще со ссылкой на слова мужа...

Маргарет не поверила, что Рудольф мог поступить с ней так подло. Она ринулась в его кабинет (МакЛеода не было дома) и перевернула письменный стол. А надо сказать, у супруга ее была некая особенность, свойственная обычно графomanам, – он не просто писал весьма многословные послания, но еще и снимал с них копии. Видимо, для истории. Ну, для того хрониста, который когда-нибудь, очень может быть, создаст историю жизни господина Рудольфа МакЛеода.

С личным хронистом Рудольфу МакЛеоду не слишком повезло, однако некоторые из его писем заинтересовали тех, кто спустя много лет собирал материалы о Маргарет МакЛеод, более известной как Мата Хари... Так что не зря трудился наш графoman!

Впрочем, не станем забегать вперед. Итак, Маргарет открыла бювар и, так сказать, перлюстрировала переписку супруга. Она узнала о себе так много нового и интересного, что

какое-то время читала письма, как авантюрный роман, периодически раздражаясь слезами ярости и обиды. Впервые она столкнулась с откровенным предательством, да еще с чьим – самого близкого человека!

Впрочем, чтение пошло и на пользу: Маргарет словно бы взглянула на себя со стороны. Описывая – с осуждением и даже отвращением – кошачью грацию движений супруги, ее музыкальность («Если она слышит отвратительные местные песнопения, непроизвольно начинает двигаться в их ритме, словно одурманенная»), ее способность принять на себя любой образ («Она лжива, словно колдуньи местных легенд, которые каждую минуту способны прикинуться другим существом и именно этим, а также своими вкрадчивыми телодвижениями и низкими, хрипловатыми нотками голоса прельщают мужчин»), МакЛеод, сам того не понимая, рассыпался перед ней в комплиментах.

Маргрит задумалась...

Ее словно осенило в то мгновение. Она и прежде задумывалась о том, что ее жизнь с МакЛеодом не удалась. Но страшно было представить, как это – остаться без мужа. Что она будет делать, как и чем жить? Она ведь может только одно – и тут Рудольф прав – кружить мужчинам головы! Кружить... кружиться... в танце...

Будущее забрезжило перед ней в новом свете.

Но пока оно казалось слишком нереальным.

Шло время. Муж и жена продолжали ссориться. Их не

примирила ни отставка МакЛеода, ни возвращение в Гаагу. Они поселились у сестры Рудольфа, которая не выносила сноху, из чего не делала секрета. Результатом стало то, что Рудольф и Маргарет расстались. Дочь сначала жила с матерью, но потом Рудольф просто забрал ее. Не верил, что Маргарет будет образцовой матерью для девочки, а может быть, просто не захотел платить деньги на содержание ее – а соответственно, и бывшей жены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.